

Организацией, в которой обосновался Николай Гоголь, заправляли эсперы.

Попал он туда совсем недавно — едва ли месяц назад. В ту пору он как раз брёл своей дорогой в поисках абсолютной свободы, как вдруг перед ним вырос какой-то тип. Выдал скороговоркой кучу пафосных речей, позвал за собой, ну а Гоголь взял да и согласился — без лишних раздумий. Теперь вся его великая миссия сводилась к банальной рутине: закладывать взрывчатку в людных местах ради дешёвой паники.

— И это всё? Какая скука, — с явным сомнением хмыкнул господин Воланд.

— Вот именно! — Гоголь и сам прекрасно понимал, в какое унылое болото ввязался. Поначалу его привлекла безумная затея их предводителя — чьё имя уже благополучно вылетело из головы — устроить мятеж. Наслушавшись речей о «новом мировом порядке», он пришёл поглазеть на великие свершения, но реальность оказалась тоскливой до зубовного скрежета.

— Тоска зелёная! — убеждённо закивал он, кривя губы в гримасе искреннего отвращения.

Если приглядеться, вся эта банда была лишь дешёвой копией обычной мафии. Разве что вместо громил с автоматами здесь правила бал горстка эсперов, кичившихся своей силой. Обычные люди прозябали в том же бесправном положении; большинство из них согнали насильно, взяв в плен по дороге, а добровольно примкнули лишь единицы. Единственное отличие состояло в том, что одарённые эсперы напоминали ходячие арсеналы. Здесь царила такая тирания, что даже суровый вольный мир за стенами убежища казался верхом свободы.

Изначально Гоголь планировал лишь переждать здесь бурю, пока не отыщет Фёдора, чтобы затем со спокойной совестью сбежать к нему и всласть развлечься вместе. Но стоило ему наведаться по старому адресу Достоевского, как выяснилось, что тот уже покинул город.

— Какая досада! Какая невосполнимая утрата! — в который раз сокрушался Гоголь перед господином Воландом, театрально заламывая руки и разыгрывая на лице вселенскую скорбь.

Впрочем, даже без Фёдора ловить тут было нечего. Тратить время впустую Гоголь больше не намеревался. В этой убогой конторе не нашлось ни единой живой души, способной по достоинству оценить триумф безумного шута! Ни единого зрителя!

— О-о, неужели вы уйдёте просто так, не закатив на прощание грандиозного представления? — господин Воланд задумчиво погладил подбородок. Ему и самому казалось чертовски расточительным упускать столь богатый материал.

— Какого ещё представления? — Гоголь уставился на хитро прищурившегося собеседника. По этой вкрадчивой улыбке было ясно: затеется нечто злое. Но разве шута когда-либо пугали подобные предчувствия? Разумеется, нет. В его глазах вспыхнул азартный огонёк.

Господин Воланд присел на корточки и, заговорщицки придвинувшись к самому уху Гоголя, зашептал. Потребовалось немало времени, чтобы изложить все детали его колоссального замысла. На лице Гоголя одна эмоция сменяла другую, пока на нём наконец не застыло выражение чистейшего, детского восторга.

— И когда начнём?!

— Да когда вашей душе угодно! — Воланд благодушно развёл руками, с лёгкостью уступая право первого хода.

Что и говорить, к новому сообщнику господин Воланд проявлял редкое великодушие. В конце концов, творить хаос в одиночку — удовольствие сомнительное. Куда веселее, когда рядом есть преданный зритель и соавтор, готовый подхватить безумную искру и раздуть из неё пожар свежих идей.

— Чудесно! Чур, время выбираю я! — Гоголь мгновенно нацепил свою привычную маску весёлого безумца.

Шут и Мастер иллюзий — пожалуй, из них вышел идеальный дуэт.

Лев Николаевич Толстой не выносил суеты здешних мест. И всё же долг, мораль и те принципы, которые окружающие считали глупым упрямством, раз за разом заставляли его возвращаться. Среди всех превосходящих эсперов планеты он слыл, пожалуй, самым мирным и безопасным: без крайней нужды к своей способности не прибегал, предпочитая тихую, скромную жизнь вдали от светского блеска. Именно из-за этого затворничества мир частенько забывал, что в холодной России до сих пор здравствует великий превосходящий эспер. Впрочем, даже при такой скромности никто не осмеливался недооценивать его мощь.

— И зачем же ты пришёл ко мне? — Толстой оглядел гостя. Приходилось признать: этот юноша обладал умом, граничащим с гениальностью.

Старик знал о его существовании. Знал, что именно он доставил письмо от Тургенева, и помнил о его туманном, невыясненном происхождении. Однако при личной встрече никакого скрытого вызова или агрессии в парне не ощущалось. Напротив, в каждом его слове, жесте и взгляде сквозила абсолютная, кристальная рациональность. И то, что столь прагматичный человек самолично явился на порог его дома с предложением примкнуть к общему делу, казалось почти невыносимым.

— Ваша нынешняя поездка, полагаю, обусловлена далеко не одной лишь формальной миссией, — спокойно произнёс Аль-Хайтам.

Фактически сейчас он вёл переговоры с высокопоставленной фигурой национального масштаба — человеком, способным одним словом изменить положение целого государства на мировой арене.

Толстой промолчал. Решение, созревшее перед этой поездкой, далось ему нелегко. На это ушли годы — больше десятилетия сомнений и затворничества, прерванного лишь внезапным посланием от старого друга. И вот теперь он снова здесь, в самом сердце империи, в бурлящей столице, где каждый только и занят погоней за чинами и наживой.

Суровый вид грозного эспера ничуть не пугал Аль-Хайтама. Строго говоря, он вообще не боялся людей, у которых были твёрдые принципы.

— Я пришёл говорить начистоту.

— И ты думаешь, тебе известно, чего я хочу? — голос Толстого окреп, в нём зазвенели стальные нотки. Воздух в комнате мгновенно сгустился, словно невидимое силовое поле, державшееся в узде, вырвалось на волю и заполнило всё пространство до самого потолка.

«Не стоит судить мальчишку слишком строго», — подумал Толстой мгновением ранее.

«А вот проучить этого гордеца определённо не помешает».

Такой была его реакция на документы, которые Аль-Хайтам выложил перед ним — бумаги, содержавшие подробные сведения об их общем с Тургеневым прошлом.

— Если мои выводы верны, господин Тургенев также принадлежит к числу превосходящих эсперов, — Аль-Хайтам изящным движением пододвинул документы ближе к хозяину дома.

Поверх бумаг лежала пожелтевшая фотография: двое молодых людей — Лев Толстой в парадном военном мундире и Иван Тургенев в простом гражданском платье.

— Ты ведь понимаешь, что за подобные игры я могу упечь тебя за решётку прямо сейчас? По обвинению в краже секретных документов государственной важности, — Лев Николаевич взял снимок и принялся неторопливо перебирать листы.

Ничего крамольного в них не было — лишь сухие факты из далёкого прошлого, изложенные с пугающей точностью. Но именно эта точность и настораживала. Молокосос умудрился раскопать засекреченные архивы о жизни величайших эсперов страны. За одно это его следовало бы упрятать в казематы без суда и следствия.

— Понимаю. Однако я не прибегаю к тем противозаконным методам, о которых вы подумали, — Аль-Хайтам даже бровью не повёл.

По сути, он лишь использовал Систему для анализа данных, сопоставляя места их прежнего пребывания и шаг за шагом восстанавливая скрытую картину. Его метод был безупречно чист с юридической точки зрения: даже если бы Толстой устроил детальную проверку, он не нашёл бы ни единой лазейки для обвинения.

С прагматиками и идеалистами всегда стоило играть по их собственным правилам — тогда и осечек не будет.

Видя его абсолютное, ледяное спокойствие, Толстой мысленно взял свои прежние выводы назад. Этот парень вовсе не был безобидным заучкой — просто его хищная хватка проявлялась лишь тогда, когда дело касалось личной выгоды и намеченных целей.

— И это твоя клятва верности? — усмехнулся старик.

— Считайте это демонстрацией моих скромных возможностей, — парировал Аль-Хайтам.

За всю свою долгую жизнь Толстой впервые видел столь дерзкое предложение о сотрудничестве. Любой другой на его месте решил бы, что мальчишка пытается его шантажировать. Но Аль-Хайтам тонко чувствовал людей: с кем-то иным он бы не стал действовать так топорно и прямолинейно.

Лев Николаевич погрузился в раздумья. Стоит ли втягивать этого чужака в столь опасную игру? Он ведь даже не подданный империи, да и эсперским даром, судя по всему, не обладает. Но оставлять без присмотра фигуру такого ума казалось ещё более опасным безрассудством.

В этот момент Толстой поймал себя на мысли, что если переговоры зайдут в тупик, он примет самые жёсткие меры, чтобы изолировать юношу от внешнего мира. Жизнь научила его никогда не недооценивать влияние одиночки, особенно если этот одиночка чертовски талантлив.

— И чем же ты намерен меня убедить? — сухо спросил старик, требуя поднять ставки. Одного лишь архива было мало.

Почувствовав, что броня собеседника дала едва заметную трещину, Аль-Хайтам мысленно перевёл дух. Вести дела с превосходящим эспером, который едва сдерживает бушующую ауру своей силы, было делом изнурительным даже для его стальных нервов.

— Взамен я предоставляю вам досье на двоих незарегистрированных превосходящих эсперов. Полагаю, этого будет более чем достаточно, чтобы развеять ваши сомнения, — ровно ответил Аль-Хайтам.

Прямого отношения к планам Толстого эти сведения не имели, но для любого государственного деятеля подобный козырь в рукаве был бесценен.

— Идёт, — после короткой паузы кивнул Лев Николаевич.

Сделка состоялась. Аль-Хайтам официально стал частью готовящегося заговора. Когда невидимое давление улеглось, Толстой не удержался от любопытства. Как этот юнец ухитрился собрать столь секретные данные? Неужели он приехал в Москву, уже имея весь этот компромат на руках?

— И когда только ты успел всё это раздобыть?

— Ещё во время вашего первого визита, — невозмутимо отозвался Аль-Хайтам.

Старик онемел от такой наглости. Пока все вокруг предавались интригам, этот ледяной прагматик методично препарировал тайны ключевых фигур империи — от Тургенева и Толстого до Фёдора, Полины и Булгакова. Хочешь выжить — знай врага в лицо, не так ли?

Выйдя из усадьбы, Аль-Хайтам пешком отправился обратно. Он провёл в этом суровом краю уже около двух месяцев. На улицах наконец начался первый робкий паводок — снежный покров оседал и плавился, обнажая серый налёт мостовых и щербатый кирпич. Вместе с оттепелью пришла сырая, пронизывающая до костей стужа, но это было всё же лучше вечных метелей. Уткнув подбородок в высокий воротник куртки, он быстро шагал вперёд, не отвлекаясь на суету прохожих.

Вернувшись в дом, он обнаружил гостя. Объект его слежки, пропадавший чёрт знает где последние недели, соизволил явиться. Фёдор преспокойно сидел на своём излюбленном месте в углу дивана.

— Добрый день, — мягко улыбнулся Достоевский, заметив вошедшего.

— Какая редкость. Не думал, что вы решитесь покинуть свою обитель, — хмыкнул Аль-Хайтам, проходя к рабочему столу.

— Сегодня на удивление тепло, снег тает. Самое время для неспешной прогулки.

Аль-Хайтам привычно опустился в кресло.

— Пожалуй, — согласился Фёдор, негромко рассмеявшись, и принялся неторопливо согреть дыханием озябшие пальцы.

<http://bllate.org/book/18256/1755707>